Содержание

Предисловие 6

Благодарности 8

Введение 10
Понятие харизмы в науке на рубеже веков 15
Источники и границы исследования 17
Подходы к изучению российских дискуссий о харизме 19

Глава 1. Понятие «харизма» в контексте дискуссий о власти. Из протестантской Германии в православную Россию 26
1.1. Понятие харизмы в протестантской теологии конца XIX века 27
1.2. Вхождение понятия «харизма» в контекст русской религиозной мысли 65

Глава 2. Значение харизмы как источника личностной власти 96
2.1. Носители личностной харизмы и кризис церковной идентичности 96
2.2. Дискуссии о месте личной харизматической власти в церковном сообществе 156

Глава 3. Идея должностной харизмы в контексте церковных реформ 181
3.1. Осмысление должности как харизмы в академическом богословии предреволюционных лет 182
3.2. От должностной харизмы к особой харизме епископа в дискуссиях о церковной реформе 188
3.3. Концепт харизмы патриарха на Поместном соборе 1917–1918 годов и его развитие 213

Заключение 239

Список сокращений 248

Список источников и литературы 249

Указатель имен 280

Предисловие

Мой интерес к понятию харизмы был связан с исследованиями проблем религиозного лидерства в России. Часто в этом контексте приходится сталкиваться с разного рода исследовательскими схемами, основной из которых является оппозиция личности и института. В историографии, касающейся проблем власти в церковном сообществе, это противопоставление, как правило, выражается категориями должности и харизмы. В такого рода модели легко укладываются отдельные сюжеты из истории религии, однако эта оппозиция кажется не объективно данной, а скорее культурно обусловленной.

В ходе исследования культурных истоков дихотомии харизмы и института нам (прежде всего моим коллегам из Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ) удалось одновременно указать на рождение этой оппозиции в специфическом для культуры и религии контексте рубежа XIX и XX веков и увидеть, что эта схема является лишь одной из множества логик описания феномена религиозной власти.

В ходе чтения главных теоретиков харизматического лидерства выяснилось, что отечественные дореволюционные ученые не были изолированы от зарождающихся академических дикуссий вокруг концепта харизмы в социологии и истории религии начала XX века. Мне показалось, что на фоне относительно исследованного контекста протестантских дискуссий о харизме (тем более полемики о харизме в наследии М. Вебера) не изученные вовсе представления о харизме в текстах русских исследователей могут стать подходящим кейсом для иллюстрации тезиса о формировании новых и об усложнении старых моделей религиозного лидерства.

Мое исследование выстроено вокруг тезиса о связи между интересом к понятию харизмы в начале века и возникновением новых описаний религиозной власти. В первой главе восстановлен интеллектуальный контекст, в рамках которого исследователи обращаются к понятию «харизма» на рубеже XIX и XX веков в немецком протестантском и русском православном богословии. Во второй главе представлена попытка русских религиозных мыслителей рассмотреть харизму как основание для личностной власти, не связанной с должностью. Здесь показывается, как на уровне понятийного аппарата впервые в русской среде возникает оппозиция харизмы и должности. Сознательный разрыв этих двух оснований власти приводит, во-первых, к формированию дискурса о различных носителях харизматической власти — фигурами религиозного лидерства становятся диакониссы, пророки, старцы и другие герои церковной истории, «воскресить» которых в своей реальности пытаются интеллектуалы начала XX века. Во-вторых, если «харизматическое» и «должностное» оказываются разделены, то естественным шагом в дискуссиях о них становится продумывание разного рода моделей взаимодействия между носителями харизмы и носителями должности, будь то подчинение, подавление или независимое сосуществование одних с другими. В третьей главе проанализированы тексты, в которых при попытке описания церковной власти харизма и должность определяются как единый феномен. Фигурой, в отношении которой эти два элемента дискурса отождествляются, оказывается патриарх. Дискуссии о должностной харизме патриарха становятся реакцией церковного сообщества на условия реформирования церковного устройства в предреволюционные годы и вместе с тем стимулом для его консолидации в условиях советских репрессий.

Благодарности

Публикация этой книги стала возможной благодаря конкурсу Русского религиоведческого общества и издательства «Новое литературное обозрение». Я крайне благодарен членам общества и редактору серии Studia Religiosa С. Елагину за предоставленную мне возможность и их комментарии к работе. Неоценимый вклад в улучшение этой книги внес научный редактор книги — А.Л. Беглов, его замечания и комментарии остались важны для моей научной работы в целом.

Путь к подготовке книги был связан с участием в нескольких исследовательских проектах Российского научного фонда и фонда «Живая традиция». Именно в этой общей работе я ощутил огромную поддержку своих коллег. В секции исследований религиозного лидерства Лаборатории исследований церковных институций ПСТГУ С. Воронцов, о. Е. Лютько, о. А. Чёрный, Е. Рещикова, М. Биркин, А. Кольцов, Э. Канаева и Н. Антонов приложили множество усилий, чтобы помочь мне в выстраивании моего исследования. Все это оказалось возможным благодаря нашим руководителям, которым я выражаю свою крайнюю признательность, — о. П. Ермилову и о. Н. Емельянову.

Такую же уникальную возможность работать в коллективе выдающихся специалистов предоставил нам о. П. Хондзинский — мой научный руководитель. Его бесконечный вклад в научную работу своих учеников выразился в научном семинаре, который стал для всех нас средой погружения в проблематику русской богословской мысли. Я очень благодарен участникам этого семинара, и особенно А. Макаровой и А. Малышеву.

Поскольку в основе этой книги — кандидатская диссертация, я хотел бы поблагодарить своего научного руко-

водителя и всех, кто принимал участие в защите работы. Отзыв ведущей организации был подготовлен на кафедре истории Церкви МГУ им. М.В. Ломоносова, и за внимательное чтение моей работы я благодарю А.Г. Зоитакиса и Г.М. Запальского. Обстоятельные и глубокие отзывы оппонентов были подготовлены О.Т. Ермишиным и С.Ю. Акишиным. Все их замечания и рекомендации я постарался учесть в этой книге. Я очень признателен проявившим интерес к моей работе и поставившим к ней важные для меня вопросы А.П. Козыреву, И.В. Борщ, К.М. Антонову и И.В. Забаеву.

В процессе работы над книгой меня очень поддерживали мои родители, друзья и коллеги. Я благодарю за помощь Ф. Угланова, о. И. Мыздрикова, А. Саитбаталову, А. Савинова, И. Суркова, К. Алексина, А. Дружинина и О. Хайлову. Нет слов, которыми я бы мог поблагодарить мою жену Веру, без ее поддержки и внимания этой книги не было бы.

Введение

В XIX веке Российская церковь столкнулась с повсеместной критикой базового для нее принципа иерархичности. Епископат воспринимался как часть бюрократической системы империи, а священство осмыслялось скорее в функциональном (необходимом для поддержания порядка и выполнения соответствующих обрядов), чем в пастырском ключе. Поскольку статус духовенства в обществе стремительно снижался, возник запрос на расширение возможного круга носителей властных полномочий в церковном сообществе. По крайней мере, на учительную роль иерархов начинают претендовать и те, кто не встроен в традиционную иерархическую структуру церкви. Этот процесс был связан не только с расширением круга потенциальных носителей власти, но и с одновременной критикой ее традиционных представителей. Обнаруживающий себя таким образом кризис доверия к церковной власти, как видится, затрагивал широкий культурный контекст[1].

Те тенденции европейской мысли *fin de siècle*, которые описываются в категориях неформального и личностного, ставили тогда новые вопросы перед теологией. Прежде всего это влияние сказалось на интеллектуальных поисках новых оснований в области учения о церкви (экклезиологии), предпринимаемых как внутри церковного сообщества, так и вне его. Эти поиски, с одной стороны, вполне вписываются в тот процесс, который можно было бы обозначить как антиинституциональный поворот в русской

1. Можно вспомнить, например, характерную для некоторых славянофилов середины XIX века критику идеи «церкви учащей» (т.е. иерархии, имеющей право учить мирян), выступление против «самой себя учредившей иерархии» церкви в критике Л.Н. Толстого и, наконец, дискуссию Д.С. Мережковского с представителями церкви о «власти ключей» в начале XX века.

религиозной мысли. В это время критика обмирщения церкви, ее бюрократизации и замкнутости развивается даже внутри богословской школы, которая еще в середине XIX века находилась в антагонизме с представителями внеакадемического богословия или философской теологии[1]. Вслед за критикой бюрократической модели государства подвергся критике и образ церкви как клерикальной корпорации, в рамках которого церковные должности воспринимались как часть политического аппарата. В раннее Новое время категория должности уже соотносится с фигурой священника[2], но к началу XX века эта категория приобретает отрицательные коннотации, связанные не столько с долгом и обязанностями, сколько с занимаемым административным положением[3]. С другой стороны, феномен церковной власти проблематизируется в связи с трансформацией представлений о церковности как априорной социальной данности. К концу XIX века в России принадлежность к церковному сообществу перестала считаться заданной изначально: хотя формально она оставалась частью юридического статуса до 1917 года, участие

1. Наиболее показателен в этом смысле феномен богословия мирян, не принадлежащих ни к церковной иерархии, ни к духовно-академической корпорации: *Хондзинский П., прот.* «Церковь не есть Академия»: русское внеакадемическое богословие XIX века. М., 2016.

2. О категории должности по отношению к носителю церковной власти см.: *Воронцов С.А.* «Не как цари, но как служители и глашатаи истины…»: философский дискурс о пастыре в раннее Новое время // Вопросы философии. 2021. Вып. 3. С. 68–78; *Он же.* К истории понятия «священник»: от сакрального статуса к функции в обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (1). С. 267–294.

3. См.: *Лютько Е.И.* Нормация священника в России Нового времени: генезис процесса и основные этапы // Вопросы философии. 2022. № 12. С. 114–125. Отрицательными эти коннотации становятся, видимо, потому, что категория должности связывается теперь со светским контекстом: *Маслов Б.П.* От долгов христианина к гражданскому долгу (очерк истории концептуальной метафоры) // Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Ред. В.М. Живов. М., 2009. С. 201–270.

в церковной жизни все чаще становилось делом личного выбора[1]. Многие русские интеллектуалы этого времени мотивировали свой выбор в пользу церкви на основании личного религиозного обращения[2]. Сложившаяся ситуация требовала от церковной иерархии обосновывать свои полномочия в полемике с теми, кто отныне сам определял свою религиозную принадлежность. Культурный контекст эпохи тем самым вынуждал преодолеть разрыв между традиционным для академического богословия пониманием власти и ее современным переосмыслением. Поэтому вопрос о религиозном лидерстве стал более интенсивно обсуждаться среди церковных интеллектуалов.

В России начала XX века вопрос об основаниях церковной власти был связан еще и с обсуждением практических проблем церковного устройства и подготовкой к собору, на котором они должны были быть решены. В предсоборный период как на официально организованных площадках для дискуссии (таких, как Предсоборное присутствие 1906 года, которое имело колоссальное значение для эпохи[3]), так и в разного рода печатных органах активно

1. *Манчестер Л., Сдвижков Д.А.* Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века // Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиографика и православие в России конца XVII — начала XX века / Под ред. Л. Манчестер, Д.А. Сдвижкова. М., 2019. С. 16. См. также: *Shevzov V.* Letting the People into Church: Reflections on Orthodoxy and Community in Late Imperial Russia // Orthodox Russia: Belief and Practice under the Tsars / Eds. V.A. Kivelson, R.H. Greene. University Park, 2003. P. 59–80; *Лютько Е.И., Ячменик В.А.* Ситуация религиозного обращения и пастырская власть в «Пути ко спасению» святителя Феофана Затворника // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2024. № 2. С. 96–120.

2. *Антонов К.М.* Феномен религиозного обращения и становление рефлексивных структур религиозных традиций // Религиоведение. 2009. № 4. С. 90–102; *Кольцов А.* Проблема религиозного обращения на примере феноменологического движения в Германии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 255–275.

3. Его значение было связано не только с проработкой ключевых проблем церковной жизни, но и с тем, что структура работы отделов Присутствия и его состав во многом и создали проект будущего

обсуждались вопросы о церковной реформе. В качестве наиболее кризисного рассматривался вопрос об управлении в церкви — на уровне высшей церковной власти, епархии и прихода[1]. На всех этих уровнях обсуждались вопросы демократизма и выборности, что отражало влияние политического контекста и идей соборности и общинности, в которых сначала славянофилы, а потом и академические богословы увидели возвращение к утерянному идеалу церковного устройства. Впрочем, поводы для дискуссий подпитывались не только возвышенными идеями, но тесно были завязаны на экономические конфликты вокруг распределения приходского бюджета. Под влиянием этой проблемы все более обострялось недоверие между прихожанами и клиром, а внутри клира — между священниками и причетниками и т.д. Институциональный кризис проецировался и в обсуждение проблем пастырской практики, затрагивающих представителей церкви от приходского духовенства до проектируемого в это время патриаршества[2]. Остро в церковной жизни этого времени встал и женский вопрос[3]. Желание возродить женские церковные служения в современной практике побудило по-новому оценить памятники древнехристианской истории и предложить их богословское осмысление. В это же самое время в культурной жизни общества возрастает значение православных монастырей, и церковная интеллигенция обращает свое

собора. О контексте, хронологии работы и содержательных элементах обсуждений Присутствия см.: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 гг.). М., 2002. С. 216–250.

1. *Савва (Тутунов), иг.* Епархиальные реформы. М., 2011; *Беглов А.Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М., 2021; *Звонарёв С.* Высшая власть и управление в Русской Православной Церкви в XX — начале XXI века. Сергиев Посад, 2023.
2. *Кравецкий А.Г.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М., 2012; *Суворов В., прот.* Учение о первенствующем епископе в русском православном богословии в XX веке. М., 2020.
3. *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 300–366.

пристальное внимание на феномен старчества[1]. Старцы, не противопоставлявшие себя церковной иерархии, многими воспринимались как представители неофициального, или живого, православия[2]. Такой же ажиотаж у церковных людей (прежде всего простого народа) вызвала неординарная фигура прав. Иоанна Кронштадтского[3]. Интерес к православной культуре в сочетании с критическими оценками современного положения церкви и ее иерархии в предсоборный период аккумулировался в желание преобразований в церковной жизни[4]. Однако если социальный контекст церковных реформ начала XX века изучен достаточно подробно, то неясным остается пока вопрос, какие идеи и понятия (как теологические, так и политические) владели умами, которые эти реформы осуществляли[5].

1. *Запальский Г.М.* Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М., 2009.
2. *Paert I.* Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. DeKalb, 2010.
3. *Киценко Н.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М., 2006.
4. Уже на самом соборе в одной речи мирянина фиксируются эти как негативные, так и положительные факты: «Нас, прихожан, упрекали здесь, что мы не любим своих пастырей! Но ведь каких пастырей?! Нарисуйте хотя слабый облик такого пастыря, каким являл себя блаженной памяти о. Иоанн Кронштадтский, дайте нам таких пастырей, и вы, смею вас уверить, без нашего участия сознаете несправедливость обвинения нас в нелюбви к пастырю, как одинаково придете к заключению, что выборное начало тут ни при чем» (Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 14. Протоколы заседаний и материалы Отдела о благоустроении прихода / Отв. ред. А.Л. Беглов. М., 2017. С. 166).
5. За скобки можно вынести понятие соборности, которое действительно захватило ум церковного сообщества в его желании созвать собор, однако этот термин уже в предсоборное время оценивался по-разному и, как планируется показать в этой книге, не исчерпывает категориальный аппарат церковной реформы. Другим важным примером анализа «словаря» церковных понятий является работа о «сословных» представлениях в предсоборный период: *Макарова А.В.* Осмысление проблемы внутрицерковных «сословий» в богословских дискуссиях рубежа XIX — начала XX веков: Дис. … к. теологии: 5.11.1. М., 2024.

Ведь проблемы церковного реформирования были вызваны в том числе и общественным непониманием (в основе которого были как осознанный отказ от понимания, так и расхождение культурных языков) традиционных концептов, с помощью которых описывалась церковная власть в академическом богословии[1]. В связи с этим формировался новый теологический понятийный аппарат, позволяющий на современном языке описать феномен власти в церковном сообществе. Отсюда возникает интерес к понятию «харизма».

Понятие харизмы в науке на рубеже веков

Категория харизмы в современном ее широком употреблении восходит к социологической традиции и, конкретно, Максу Веберу[2]. Вряд ли Вебер, привлекший для построения своей концепции власти понятие «харизма» из протестантской научной литературы, мог ожидать, что к концу XX века его интерпретация этого концепта станет настолько популярной, что Филип Рифф решит назвать свою книгу «Харизма: дар благодати и как мы были его лишены», намекая на необходимость переосмысления веберианской парадигмы (Рифф отождествляет ее с протестантским подходом к определению харизмы)[3]. Призывая вернуться к библейскому значению харизмы, он обратил внимание на явный разрыв в понимании этого понятия

1. *Антонов К.М.* «Я, благодарение Богу, не богослов»: Становление русской религиозной философии и истоки концепции западного пленения православного богословия // Христианское чтение. 2015. № 3. С. 68–92.
2. Об этом см.: *Фреик Н.В.* Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 5–24. Именно эта парадигма стоит за характерной для современности «банализацией» понятия харизмы, когда оно получает развитие в обыденном языке: *Zúquete J.P.* Introduction: The study of charisma // Routledge International Handbook of Charisma. Routledge, 2021. P. 9.
3. *Rieff Ph.* Charisma: The Gift of Grace, and How It Has Been Taken Away from Us. Pantheon, 2007.

в Новом Завете и в ее трактовках в XX веке[1]. Тем самым были обозначены два полюса понимания харизмы, которые необходимо учитывать при анализе дискуссий вокруг этого понятия.

Библеисты могут подтвердить, что греческое слово χάρισμα принадлежит к корпусу апостольских посланий и его значение в них включает широкий спектр коннотаций и не специфицируется в отношении церковной власти[2]. По мысли Павла, харизма — это прежде всего выражение божественных действий благодати в отношении членов церкви для реализации служения друг другу (1 Кор 12). Понятие харизмы позволяет ему обозначить локальную церковную общину не только как сообщество людей с их лишь социальными связями, но и как мистически руководимую Духом церковь.

К понятию харизмы как к термину, связанному с проблемой религиозного лидерства, исследователи обратились лишь в рамках внутрипротестантской полемики о сущности церковного устройства. В русский контекст понятие харизмы в его новом значении проникает из этих же теологических дискуссий к концу XIX века, а в начале XX века уже сама эта категория становится предметом полемики, которая распространяется и на обсуждение практических проблем Российской церкви. Тем самым, обращаясь к понятию харизмы, русские религиозные мыслители и теологи сталкивались с библейским контекстом, его актуальной

1. *Rieff Ph.* Charisma. P. 74 и далее. Ср.: *Агамбен Дж.* Homo sacer. Чрезвычайное положение. М., 2011. С. 132.

2. См.: *McCaskill T.L.* Gifts and Ritual: the Charismata of Romans 12: 6–8 in the Context of Roman Religion. Lanham, 2023. P. 1–3. Ср. хотя и предварительные, но важные выводы: *Смирнов М.М.* Χάρισμα в контексте Богочеловеческих отношений. Из опыта исследования послания апостола Павла к Римлянам // Материалы IX Международной студенческой научно-богословской конференции, Санкт-Петербург, 10–11 мая 2017 года. СПб., 2017. С. 427–439. Поттс также пишет, что понятие харизмы хотя и центральное для Павла, но его значения крайне гибкие и зависят от контекста употребления: *Potts J.* A History of Charisma. L., 2009. P. 36.

интерпретацией протестантскими авторами и наработками историков и социологов.

Став востребованным в России начала XX века, понятие харизмы не ушло в прошлое с участниками церковных дискуссий и деятелями религиозно-философского ренессанса. Оно использовалось в церковных спорах об июльской декларации митр. Сергия (Страгородского) о лояльности церкви советской власти и нашло себе применение в религиозной мысли представителей русской диаспоры, в частности в «евхаристической экклесиологии» протопр. Николая Афанасьева. Можно констатировать, что и сегодня оно входит в число наиболее употребительных терминов в теологии, хотя и не имеет при этом ни четкого определения, ни ясной истории своего вхождения в поле религиозной мысли эпохи модерна. Не претендуя на разрешение всех связанных с понятием харизмы проблем, это историко-понятийное исследование позволит дать необходимую начальную «точку опоры» в современных дискуссиях о власти в церкви и поможет понять их в свете трансформаций русской религиозной культуры.

Источники и границы исследования

Работа строилась на гипотезе, что за введением понятия «харизма» стояла попытка придать новое значение концепции церковной власти. Выборка основных источников обусловлена тем, употреблял ли тот или иной автор понятие «харизма» в своих текстах или нет. Дополнительные источники, привлекаемые для раскрытия внутреннего контекста развития понятия харизмы, в свою очередь, диктовались основными источниками: привлекались преимущественно те тексты, на которые указывали авторы для объяснения своих концепций харизматической власти[1].

Некоторые из стратегий использования понятия «харизма» были рассмотрены у авторов конца XIX века:

1. Конкретные тексты перечисленных ниже авторов решено было привести в списке источников в конце книги.

Н.Ф. Красносельцева, И.С. Бердникова, Т.И. Буткевича и А.П. Лебедева. Источниками, на основании которых реконструировались дискуссии о харизме в протестантской теологии рубежа XIX и XX веков, стали тексты А. фон Гарнака, Р. Зома, К. Холля и Х. Ахелиса.

В начале XX века понятие харизмы использовали профессора МДА И.В. Попов, С.И. Смирнов, П.А. Флоренский, Н.А. Заозерский, В.А. Троицкий, профессор СПбДА Н.Н. Глубоковский, профессора различных российских университетов Н.С. Суворов, П.А. Прокошев, П.В. Гидулянов, а также авторы, аффилиация которых так или иначе менялась по ходу их интеллектуальной деятельности, т.е. В.Н. Мышцын, Н.Н. Фиолетов, С.Н. Булгаков, А.В. Карташев и М.П. Фивейский, — тексты перечисленных авторов составляют основные источники этого исследования.

В качестве источников, отображающих использование понятия харизмы в контексте обсуждения реформ церкви, были использованы «Отзывы епархиальных архиереев», протоколы Предсоборного присутствия и Поместного собора 1917–1918 годов. Чтобы проследить возникшую на соборе идею харизмы патриарха, необходимо было обратиться к послереволюционным текстам полемики вокруг июльской декларации митр. Сергия (Страгородского).

Первое двадцатилетие XX века тем самым определяется как основные хронологические рамки исследования, поскольку именно в это время выходят основные тексты, в которых понятие харизмы используется по отношению к проблеме власти в церкви. Вместе с тем, чтобы выявить контекст возникшего интереса к понятию харизмы в протестантском и православном богословии, приходится обращаться к текстам конца XIX века. Чтобы проиллюстрировать развитие концепта харизмы, актуализированного в практической плоскости на Поместном соборе 1917–1918 годов, затрагиваются дискуссии церковных иерархов о власти в Российской церкви в 1930-х годах.

Подходы к изучению российских дискуссий о харизме

Для западной русистики вполне характерно было использование веберианской модели в изучении феномена харизматической власти[1]. Такой подход стал очень продуктивным и среди отечественных исследователей (Б.А. Успенский, В.М. Живов и др.[2]). Российские социологи и антропологи, как правило, тоже рассматривают старцев православной традиции как харизматические фигуры в русле веберианского подхода[3]. Новым на этом фоне видится подход И. Пярт, которая в своей монографии «Духовные старцы: харизма и традиция в Российском Православии» (2010) использует веберианскую модель харизмы, но переосмысляет ее, во-первых, снимая противопоставление харизмы старцев и института церковной власти, во-вторых, используя теоретические наработки о харизме русских историков начала

1. *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia: The Sixteenth and Seventeenth Centuries. New York; Oxford, 1992. P. 10–15, 19; *Zitser E.* The Transfigured Kingdom: Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great. Ithaca, 2004; *Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy from Peter the Great to the Abdication of Nicholas II. New abridged one-volume paperback edition. Princeton; Oxford, 2006. P. 11, 20, 142, 356 — и многие другие исследования. Как видно, наиболее актуален этот подход стал для изучения политической власти. Г. Фриз указывает, что российское самодержавие основывалось на трех принципах: «личной харизме монарха, благоденствии его подданных и международной мощи России» (*Фриз Г.* Губительное благочестие: религия и политический кризис в предреволюционной России // «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / Пер. с англ. А. Глебовской, М. Долбилова; под ред. П. Рогозного. СПб., 2019. С. 184).
2. *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Т.I. Семиотика истории. Семиотика культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 205–337; *Успенский Б.А.* Царь и патриарх: харизма власти в России. М., 1998.
3. См. одно из последних исследований с обзором литературы: *Дубовка Д.Г.* В монастырь с миром: в поисках светских корней современной духовности / Науч. ред. С.А. Штырков. СПб., 2020.

XX века[1]. Анализу этих наработок российских ученых конца XIX — начала XX века не уделялось в литературе достаточного внимания ни среди критиков веберианской парадигмы, ни среди исследователей, работающих в ее рамках.

В России начала века понятие харизмы не вышло за рамки теологии и религиозной философии (как это произошло на Западе благодаря социологии). Но исследования осмысления харизмы в русском православном богословии не развиты, чего нельзя сказать о протестантском и католическом контекстах[2]. Весь XX век складывался критический аппарат вокруг формирующихся концепций харизмы, а его влияние впоследствии отразилось и на изучении проблематики харизмы в православном богословии. В частности,

1. *Paert I.* Spiritual Elders: Charisma and Tradition in Russian Orthodoxy. P. 7–10; *Idem*. Mediators Between Heaven and Earth: The Forms of Spiritual Guidance and Debate on Spiritual Elders in Present-Day Russian Orthodoxy // Orthodox Paradoxes: Heterogeneities and Complexities in Contemporary Russian Orthodoxy / Ed. by K. Tolstaya. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 134–153. Ср. критические тезисы Хаммерли: *Hammerli M.* Spiritual Direction in Orthodox Monasticism: The Elder Beyond Weber's Theory of Charisma // Annual Review of the Sociology of Religion. Vol. 5: Sociology and Monasticism, between Innovation and Tradition. Brill, 2014. P. 150–169.

2. Обстоятельный анализ библейского происхождения и развития понятия в христианском контексте см.: *Baumert N.* Charisma — Taufe — Geisttaufe. Vol. 1. Entflechtung einer semantischen Verwirrung. Würzburg, 2001. См. классические монографии по проблематике харизмы в протестантском богословии: *Linton O.* Das Problem der Urkirche in der neueren Forschung. Uppsala, 1932; *Brockhaus U.* Charisma und Amt: die paulinische Charismenlehre auf dem Hintergrund der frühchristlichen Gemeindefunktionen. Wuppertal, 1972. О католическом понимании харизмы см.: *Чёрный А.И.* «Мы здесь Церковь»! Противопоставление понятий «институт» и «харизма» в немецком католическом движении обновления второй половины XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 90. С. 28–46; *Борщ И.В.* Харизматическое лидерство в Католической церкви // Современная Европа. 2021. № 2. С. 147–157; *Она же*. Оппозиция «харизматическое — институциональное» в церковноправовой теории Эудженио Корекко (1931–1995) // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. Вып. 101. С. 9–25; *Рещикова Е.Ю.* Понятие «харизма» в немецкой католической мысли второй половины XX века // Вопросы теологии. 2022. Т. 4. № 3. С. 442–459.

нередко утверждается, что именно протестантские теологи оказали влияние на богословие знаковых экклезиологов XX века — протопр. Николая Афанасьева и митр. Иоанна (Зизиуласа)[1]. А использование ими понятия харизмы способствовало его распространенности в православном богословии XX века[2].

Процесс критического изучения истории понятия харизмы в русском контексте начался сравнительно недавно. В 2003 году К. Фельми поставил проблему влияния идей одного из основателей дискурса о харизме Рудольфа Зома на православное богословие[3]. И. Дестивель в 2009 году в своем обзоре идей дореволюционной русской экклезиологии указывал на внимание богословов начала XX века к понятию харизмы и на полемику вокруг тезисов Р. Зома: автор рассматривает ее в ракурсе поиска новых моделей осмысления церкви[4]. В близком ключе полемику представителей отечественного церковного права с Зомом рассматривала В. Шевцова в 2021 году[5]. В статьях В. Кулаги,

1. *Barbu S.* Charisma, Law and Spirit in Eucharistic Ecclesiology: New Perspectives on Nikolai Afanasiev's Sources // Sobornost Incorporating Eastern Churches Review. 2009. Vol. 31 (2). P. 19–43; *Александров В.В.* Николай Афанасьев и его евхаристическая экклезиология. М., 2018. С. 65–67, 121, 198; *Кулага В.В.* Кафоличность и соборный институт церкви в богословии митрополита Иоанна (Зизиуласа) // Труды Минской духовной академии. 2021. № 18. С. 73–101.
2. См.: *Тороцкаи Ч.Ю.* Румынское богословие в XX веке — акценты, синтезы и биобиблиографические указатели. Сибиу, 2017. С. 223, 274, 310, 315; *Maican P.* Deification and Modern Orthodox Theology. Introduction to Contemporary Debates. Leiden: Brill, 2023. P. 94–95, 98.
3. *Felmy K.* Rudolph Sohm (1841–1917): Protestantierung' oder Erneuerung der Kirche // Diskos: Glaube, Erfahrung und Kirche in der neueren orthodoxen Theologie. Erlangen: Lehrstuhl für Geschichte und Theologie des christlichen Ostens, 2003. S. 67–73. Позднее автор тоже обращался к этой теме: *Фельми К.Х.* Введение в современное православное богословие. М., 2014. С. 316–317.
4. *Destivelle H.* Prémisses d'une ecclésiologie eucharistique dans la théologie russe à la fin du XIX siècle et au début du XX siècle // L' ecclésiologie eucharistique / Dir. J.-M. van Cangh. Paris, 2009. P. 124, 129–135.
5. *Shevzov V.* Between Law and Theology. Russia's Modern Orthodox Canonists // Law and the Christian Tradition in Modern Russia / Ed. P. Valliere, R.A. Poole. London: Routledge, 2021. P. 235–236.

опубликованных в том же году, обращается внимание на процесс рецепции в русской богословской школе протестантских концепций харизматического устройства церкви (не только Р. Зома, но и А. фон Гарнака)[1]. Более подробно, но в иных хронологических рамках описан русский контекст рецепции дискурса о харизме в диссертации И.В. Борщ «Харизма и право в миссии Церкви: в диалоге с С. Булгаковым и Э. Корекко» (2012)[2].

Меня, однако, интересует не рецепция идей протестантских теологов[3], но скорее такой подход к истории понятия харизмы, который позволил бы понять причины возникновения и развития этого концепта в России. Соответственно, видится важным выявить не то или иное влияние, а функцию понятия «харизма» в дискуссиях о власти в церкви. Такой подход требует пристального внимания как к анализу истории понятия харизмы, так и к фигурам религиозного лидерства, к котором оно применяется[4].

1. *Кулага В.В.* Проблема иерархического устройства Церкви в пневматоцентрической экклезиологии // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии. 2021. № 1. С. 45–64; *Он же.* Проблема происхождения и природы церковной власти в русской богословской науке XIX–XX вв. и соборная система Церкви // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2021. № 4. С. 26–50.
2. *Borshch I.* Carisma e diritto nella missione della Chiesa: nel dialogo con S. Bulgakov ed E. Corecco. Roma, 2012. В диссертацию были включены некоторые статьи и части из монографии, выходившие ранее: *Она же.* Протоиерей Сергий Булгаков как канонист // Вестник РСХД. 2007. № 1 (192). С. 60–87; *Она же.* Русская наука церковного права в первой половине XX века: поиск методологии. М., 2008. С. 75 и далее.
3. Об этом, но на другом материале написано уже достаточно много: *Wasmuth J.* Der Protestantismus und die russische Theologie. Zur Rezeption und Kritik des Protestantismus in den Zeitschriften der Geistlichen Akademien an der Wende vom 19. zum 20. Jahrhundert. Göttingen, 2007; *Sorokin M.* Vasilij Bolotov zwischen Wissenschaftlichkeit und Kirchlichkeit: Studien zu Rezeption und Wertung protestantischer und katholischer Autoren im Werk eines russisch-orthodoxen Kirchenhistorikers. Marburg, 2016 — и мн. др.
4. Указав на связь «концептуальных персонажей» и порождаемых ими «концептов», Делёз и Гваттари предложили взглянуть на

Зафиксировать случаи употребления понятия «харизма» и корректно их систематизировать позволяет подход истории понятий (Begriffsgeschichte). Анализируя понятие харизмы в его неразрывной связи с социальной историей, я пытаюсь следовать за классиком Р. Козеллеком[1]. Но, обращаясь к этому методологическому направлению, я опираюсь на него в рамках проведенной уже апробации применительно к российскому контексту[2]. Как видится, именно история понятий позволяет обозначить процесс, в ходе которого понятия не только становятся

историю философии через призму того, как философ, изображая персонажа, «территоризирует» определенное пространство дискурса (*Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М., 2009. С. 72, 91). Не имея оснований переносить эту схему на свое исследование, я тем не менее опирался на идею динамической связи философских персонажей и концептов, говоря, в свою очередь, о связи понятий и фигур религиозного лидерства в дискурсе о харизме.

1. *Козеллек Р.* Социальная история и история понятий / Пер. с нем. Ю.И. Басилова // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. Вып. 5. СПб., 2006. С. 51. Менее важной в настоящем исследовании оказывается концепция «времени водораздела», которую Козеллек описывает во введении к «Словарю» (Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; науч. ред., пер. Ю. Арнаутова. М., 2014. Т. 1. С. 7, 32). Хотя время, в которое социально-политические понятия обретают новые значения, Козеллек относил к периоду между серединой XVIII и серединой XIX века, переломная эпоха в истории понятия харизмы приходится на начало XX века. Следует ли в этой связи говорить о множественности «водоразделов» в истории понятий?

2. *Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И.* Предисловие // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2011. Т. 1. С. 5–46; Эволюция понятий в свете истории русской культуры / Ред. В.М. Живов, Ю.В. Кагарлицкий. М., 2012; *Тимофеев Д.В.* Методология «истории понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 116–138. См. пример (которых мало) из истории русских церковных понятий: *Černyi A.I.* Sündenvergebung oder spirituelle Führung? Transformation der Bedeutung von «duhovnik» in der russischen Sprache des 19. Jahrhunderts // Slověne. 2022. Vol. 11. № 2. P. 149–167.

нормативными, но и обретают практическую значимость для эпохи[1].

Понятие «харизма» в этой работе рассматривается не только как языковая единица в своем контексте; важным оказывается и то, как возникает единый дискурс о харизме с многообразием стратегий его использования. В рамках такого единства важно обратить внимание не на попытки определить понятие «харизма», которое зависело от разных контекстов и не было строго определено, а на его функцию в текстах. Выстроить это позволяет не только Begriffsgeschichte (в опоре, например, на идею «борьбы за именование» Г. Люббе с присущим ему вниманием к полемике о нормативном значении понятий[2]), но и проект интеллектуальной истории, предложенный Кв. Скиннером и его коллегами[3]. В этой оптике для нас важно выявить конфликт риторических стратегий, в которых личность автора, употребляющего понятие «харизма», и его терминологический аппарат оказываются неразрывно связаны.

Понятие харизмы возникает прежде всего в богословских текстах, что требовало бы применения к их анализу и теологического подхода. Если, по словам Дж.Б. Рассела, «история концептов, независимая от богословия,

1. Помимо Begriffsgeschichte здесь кажется важным исследование Р. Уортмана, выполненное на материале изучения русских понятий: *Wortman R.S.* The Power of Language and Rhetoric in Russian Political History. Charismatic Words from the Eighteenth to the Twenty First Centuries. London; New York, 2018. Автор вводит термин «харизматичные слова», которые «придавали эмоциональную силу императивам власти в жизни индивида», т.е. влияли на властный дискурс эпохи (Ibid. P. 3).

2. *Куренной В.А.* История философской истории понятий: предисловие к переводу Г. Люббе // Социология власти. 2017. Т. 29. № 4. С. 226.

3. *Skinner Q.* Visions of Politics. Vol. 1: Regarding Method. Cambridge; New York, 2002; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2018. См. о применении этой методологии к российскому материалу: *Атнашев Т.М., Велижев М.Б.* История политических языков в России: к методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2. № 3. С. 107–137.

устанавливает, каким путем шло развитие концепта», а «историческое богословие задает следующий вопрос: законно ли это развитие?»[1] — то понятно, что ответ на второй вопрос требует соотнесения смыслового наполнения концепта харизмы с содержанием этого понятия в Новом Завете[2]. Выше уже было кратко упомянуто о многовековой дистанции между начальным появлением понятия «харизма» в посланиях Павла и его спецификацией, в связи с вновь пробудившимся к нему интересом в дискуссиях конца XIX — начала XX века. Хотя такого рода историческая дискретность принципиально затрудняет выстраивание концептуальных связей, тем не менее константой этого понятия и в I веке, и в начале XX века становятся заданные ему в Новом Завете мистические коннотации, которые существенно важны для осмысления содержания и итогов представленных в исследовании дискуссий.

1. *Рассел Дж.Б.* Сатана. Восприятие зла в ранней христианской традиции. СПб., 2001. С. 204.
2. Именно такое соотнесение полагается конкретизацией богословского исследования: *Польсков К.О.* К вопросу о научном богословском методе // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 97; *Антонов К.М.* Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 79.